

ПУБЛИЧНОЕ И ПРИВАТНОЕ В РЕАЛЬНОМ И ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.В. Почикаева

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Поступила в редакцию: 19.01.2023

В окончательном варианте: 21.02.2023

■ Для цитирования: Почикаева А.В. Публичное и частное в реальном и виртуальном пространстве // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 1. С. 75–82. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.10>

Аннотация. В статье рассматривается то, как публичные и частные сферы жизни представляются в двух пространствах: в реальном и виртуальном. Анализируются концепции публичного и частного как классических авторов, так и современных. Акцент в рассмотрении проблематики публичного и частного делается на проявлении данных феноменов в виртуальном пространстве, где работают те же механизмы, что и в реальном пространстве, но с особой спецификой, включающей влияние различных агентов.

Ключевые слова: публичное; частное; реальность; информационное пространство.

PUBLIC AND PRIVATE IN THE REAL AND VIRTUAL SPACE

A.V. Pochikaeva

Samara State Technical University, Samara, Russia

Original article submitted: 19.01.2023

Revision submitted: 21.02.2023

■ For citation: Pochikaeva A.V. Public and Private in the Real and Virtual Space. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(1):75–82. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.10>

Abstract. The article examines how the public and private spheres of life are presented in two spaces: in real and virtual. The concepts of public and private both by classical authors and modern ones are considered. The emphasis in considering the issues of public and private is on the manifestation of these phenomena in the virtual space, where the same mechanisms operate as in the real space, but with special specifics, including the influence of various agents.

Keywords: public; private; reality; information space.

В современном обществе вопрос о границах публичной и приватной сфер жизни приобретает особенный статус — границы данных сфер становятся все более размытыми. Казалось бы, личная жизнь человека должна оставаться неприкосновенной. Однако мы наблюдаем обратную картину — люди с удовольствием делятся с другими актуальной информацией в отношении происходящего в их личной жизни, привнося публичное пространство в свое частное, задействуя при этом различные информационные ресурсы. Это можно пронаблюдать, обратив внимание на современные социальные сети, где практически каждый третий индивид примеряет на себя роль блогера и с неподдельным удовольствием делится различными фрагментами своей частной жизни. В данном контексте действия, совершаемые человеком, которые раньше имели отношение к частной сфере, проникают в публичную, пронизывая ее обилием личностных убеждений, ценностей, выгод, которые, по большей части, носят не всеобщий, а разрозненный характер. Такая взаимопроницаемость наблюдается в обоих пространствах жизни личности.

Е.О. Труфанова в одной из своих статей приходит к выводу о том, что в современном обществе личность живет в двух мирах: в мире реальном и в мире виртуальном, которые различаются в своем функционировании [9, с. 16]. Отчасти использование информационных технологий сейчас оказывается неизбежным, поскольку достаточно большая часть функционала реального мира релевантна и для мира виртуального, например, общение — сейчас мы можем общаться совершенно с любым человеком в любой точке мира, не соприкасаясь с ним в реальности. Отчасти интернет-общение компенсирует общение в реальности, что имеет свои последствия, например, упрощение коммуникации как таковой, упрощение слов и способов выражения мысли.

«Все течет, все движется» — сказал однажды Гераклит, и этот афоризм применим к динамике развития публичной и частной сфер как в пространстве реальном, так и в пространстве виртуальном.

К примеру, в своей работе «Падение публичного человека», Р. Сеннет достаточно подробно описывает динамику развития публичной и частной сфер жизни, связывая этот процесс с развитием общества, а также с урбанизацией поселений и индустриализацией. Он показывает, что в XIX веке было совершенно недопустимо выражать свои чувства и эмоции на публику, ценилась сдержанность и скрытность в поведении. Проявление своей подлинности и искренности было допустимо лишь в приближенном кругу, например, в семье. «Публичное было творением человека, частное — условиями его существования» [7, с. 111]. Творением человека в том смысле, что в публичном пространстве всегда действовали нормы и правила, ограничивающие проявление искренности и чувственности. Иными словами, публичная сфера соотносилась с культурой, а сфера частного с природой. Или же, если говорить словами И. Гофмана, то пространство публичного представляет собой «сцену театра», а пространство частного — «кулисы», где индивиды осваивают определенные социальные роли, базовые нормы поведения и правила, чтобы потом выходить на «сцену» подготовленными. Неспроста его концепция зовется «теория драматургической социологии», где любые социальные пространства обладают своими зрителями и своими актерами. Иными словами, взаимодействия людей сродни спектаклю в театре, где каждый, надевая маски, играет свою роль.

Притом, количество ролей всегда сопоставимо с количеством спектаклей, в которых человек участвует. Согласно данной концепции, пространство социума включает в себя приватную зону (задний план) и публичную зону (передний план), в которых применяемые правила и стратегии поведения достаточно сильно различаются. В зависимости от зоны, в которой находится человек, поведение и социальные роли, маски сменяются [10, с. 68].

Публичная сфера (передний план) является тем местом, где личность, как правило, демонстрирует социально приемлемое поведение, соблюдает общественные правила и порядки. Важно отметить, что в переднем плане практически нет места искренности, человеку иногда приходится прикладывать большие усилия для того, чтобы соответствовать ожиданиям отдельных людей и социума в целом для поддержания уже существующего порядка вещей в обществе. В качестве примера можно рассмотреть феномен «идеальной семьи», где все члены семьи якобы являются идеальными.

Приватная сфера (задний план) связана с поддержкой безопасности личности, это место, где можно показать свое истинное Я, перестать поддерживать различные социальные роли — просто быть собой, вне зависимости от того, как честное и искреннее поведение будет оценено обществом в целом [3, с. 186–188]. Передний план (публичная зона) и задний план (приватная зона) всегда разделяются достаточно жесткой границей. Это своеобразная дверь в дом, одна сторона которой выходит на улицу — ухоженная, светлая и с витражными стеклами, а другая сторона — выходящая в дом — покрытая пылью, темная и с заклеенными витражными стеклами.

Сфера приватного — это та сфера, в которой может и должна проявляться интимность. Под интимностью понимается способность и необходимость выстраивать искренние и доверительные отношения с другими людьми. Большое внимание интимности в контексте публичного и приватного уделяет Э. Гидденс. Согласно Э. Гидденсу интимность претерпевает такие изменения, которые в своей сущности имеют крупномасштабную демократизацию межличностной сферы, то есть выстраивание таких отношений, которые подразумевали бы свободу. «Бог умер, все потаенное и сакральное, не предназначавшееся ранее для публичного обращения, обнародуется в глобальном масштабе, со скоростью звука и света» [6, с. 212]. Здесь речь как раз идет о том, как части приватного проникают в публичное, принося за собой изменения разного рода. «Эмоциональная самореализация и экспрессия личности становится осью социального мира. Изменения в интимной сфере отражают изменение внешних условий, но развиваясь, и сами диктуют курсы изменений социальной системе» [1, с. 229]. Автономия индивида подразумевает реализацию рефлексивного проекта самости. Автономия означает способность индивидов быть само-рефлексивными и само-детерминируемыми: обдумывать, судить, выбирать и действовать различными возможными способами действия. Ю.Д. Андриевская в своей работе подчеркивает, опираясь на труды Э. Гидденса, что интимность приобретаетс через прохождение процесса социализации, то есть, социализируясь, личность научается выстраивать границы между тем, что должно оставаться в пределах приватного, а что можно выносить в сферу публичного. Современный человек, по большей части, проявляет меньше интереса к общественной жизни, увлеченно погружаясь в свои переживания, самопознание и размышления.

В актуальных реалиях можно проследить снижение интереса личности к общественным проблемам и делам. Отчасти это обусловлено тем, что людям теперь приходится самостоятельно упорядочивать свою жизнедеятельность, обеспечивать чувство определенности, что не всегда является возможным. Здесь, возвращаясь к понятию «здорового эгоизма», следует упомянуть, что, кроме индивида, никто не сможет позаботиться о его благополучии, комфорте. Исходя из этого, людям приходится надеяться только на себя, самостоятельно решать проблемы, преодолевать страхи и болезни. Например, при условии, что индивид испытывает некоторые трудности, которые ухудшают его физиологическое и психологическое состояние, при обращении за помощью к другим, скорее всего, он столкнется с тем, что будет обесценен, да и вообще, нужно поработать, и все пройдет. Очевидно, если человек обращается за помощью к другим и не получает ее, то с большой долей вероятности, он станет таким же безразличным, как и те самые другие. Все это реализуется также в более глобальном формате: люди перестают проявлять интерес к общесоциальным проблемам как в своей стране, так и в мире в целом, но при этом человек может пытаться решать свои личные трудности и проблемы за счет других.

Подобные размышления актуализировались в работе Х. Арендт, где она определяет публичную сферу в ее классическом первичном виде, как «вторую жизнь» человека, вышедшего из сферы частной повседневности. Для философа идеальным публичным пространством являлись площади греческих полисов, несущие функцию концентрации граждан для обсуждения и решения актуальных вопросов, а также для получения публичного признания; места, где каждый мог высказаться. Публичное пространство связано с взаимодействием людей. Это арена действия людей (*vita activa*). В основе — взаимоотношения слова (речи) и действия. Это модусы, в которых человек раскрывает себя и свою уникальность («выступает в явленность») [2, с. 25]. В данном контексте Р. Сеннет утверждает, что существует необходимость избавления от тирании интимности во благо развития индивидуальности и избавления от страха безличной жизни. По его мнению, такое положение вещей позволит развивать публичные пространства, где будут обсуждаться важные вопросы. Города как публичные пространства трансформируются в места, где будет возможно единение людей близ личностного сближения, что в итоге позволит объективно подходить к решению актуальных проблем, избегая субъективных суждений и личностных предпочтений [7, с. 390].

В виртуальном пространстве также есть проявления приватности и публичности, но выглядит все это немного по-другому. Многие авторитетные авторы говорили и говорят о том, что сферы публичного и приватного претерпевают трансформационные качественные изменения, которые касаются не только реального пространства. Сущность трансформационных изменений в сфере публичного и приватного заключается в размытии их границ, когда аспекты приватного проникают в публичное, и наоборот. Проницаемость границ между данными сферами будет лейтмотивом в дальнейшем исследовании.

Несмотря на то, что на данный момент есть возможность ограничивать информацию, которая будет попадать в публичное поле, тем самым делая виртуальное пространство более персонифицированным и удобным для собственного пользования, некоторые люди этим пренебрегают. Например, выставляют

личную информацию и свои контакты в социальные сети, или же выкладывают комментарии, которые потенциально могут разгневать других людей и в итоге привести к неприятному спору с переходом на личности. И даже если человек в итоге удалит опубликованную информацию, то в связи с гипертекстуальной природой виртуальной реальности ничто не исчезает бесследно. Стоит вспомнить пример, когда певица Бейонсе потребовала удалить одну из своих фотографий из интернета — де юре это оказалось возможным, де факто — нет, и копии фотографии продолжают распространяться до сих пор.

Одна из ключевых проблем в размытии границ между публичным и приватным в виртуальном пространстве заключается в том, что люди воспринимают свои страницы в социальных сетях и в других медиа как продолжение своего приватного пространства, где они спокойно могут делиться своими мыслями и позволять себе любое поведение. Если же человек воспринимает свои страницы в виртуальной реальности как продолжение своего приватного пространства, то он не будет ожидать непрошенных гостей, которые будут нарушать границы, однако вторжения все же происходят, поскольку виртуальная реальность не всегда работает по законам реального пространства.

В пространстве реальности человек, как правило, взаимодействует с людьми, которых допускает в свое приватное пространство, или с теми, кто принадлежит к какой-либо социальной группе, а в пространстве виртуальном человек может столкнуться с людьми, которые не относятся к привычной ему социальной группе, реакцию которых невозможно предугадать. Человек оказывается более открытым перед миром, в отличие от реальности, где он взаимодействует только с людьми, принадлежащими к определенной социальной группе. В итоге человек оказывается ответственен одновременно перед всем миром. В.А. Лекторский, говоря о последствиях развития значимости виртуального пространства, полагает, что могут возникнуть некоторые негативные последствия, которые связаны с расширением возможностей вмешательства в приватную жизнь, поскольку любые действия в сети оставляют след, как мы выяснили ранее. При этом человек перестает быть владельцем информации о своей жизни, приватное пространство становится как бы взломанным и становится объектом управления для других людей [5]. Однако в реальном пространстве приватная информация может распространяться примерно таким же образом, но со своей спецификой. Например, разговор о личных делах в каком-либо публичном месте теряет свою приватность, поскольку так или иначе другие люди становятся его свидетелями, и могут вырывать из контекста услышанное, формируя различные сплетни и слухи. Отчасти разница тут лишь в масштабах, так как в пространстве реальном люди также могут делать замечания, если будут не согласны с услышанным.

На данный момент множество авторов, исследующих феномены публично-го и приватного в виртуальном пространстве, обозначают такую проблему, как безопасность. Например, Е.О. Труфанова в заключении одной из своих статей, говорит о том, что несмотря на наличие правил поведения в сети интернет, которые могли бы обеспечить приемлемый уровень безопасности пользователя, многие люди продолжают игнорировать их. По ее мнению, вероятность того, что большая часть пользователей будет соблюдать нормы поведения в сети, практически сводится к нулю. Это касается не только межличностного

общения, но и возможности отслеживать действия пользователей в виртуальном пространстве.

В век современных технологий, в том числе технологий, связанных с сетью интернет, данная проблема становится все более актуальной. Отслеживание активности пользователей интернета может предотвращать различные опасные социальные явления. Однако также отслеживается активность так называемых “regular users”, которые не совершают правонарушений. Ключевую роль в этом процессе, как правило, занимает государство и инструменты, которыми оно пользуется для того, чтобы собирать данные от пользователей сети интернет. В данном контексте считаю справедливым обозначить такое понятие, как «Старший брат», упомянутое в известном романе Дж. Оруэлла «1984». «Большой брат» как раз и является метафорой наблюдающего государства, которое пытается контролировать активность не только потенциально опасных личностей, но и обычных пользователей (“regular users”), исходя из мотива обеспечения безопасности общества.

Данное понятие подвергается критике, поскольку на сегодняшний момент можно говорить о нескольких «Маленьких братьях», которые, как правило, работают сообща, передавая необходимые данные по запросу государства [11, с. 3]. Ограничивает ли это свободу пользователей сети? Вопрос спорный, и пока на него нет достаточно точного ответа. В России в качестве таких наблюдателей выступают агенты, задействованные в работе «пакета Яровой». Под «пакетом Яровой» подразумевается совокупность законодательных инициатив, направленных на противодействие террористической угрозе. Часть этого пакета подразумевает факт того, что данные трафика пользователей сети интернет должны храниться на протяжении некоторого времени — в течение полугода [4]. С одной стороны, подобная инициатива действительно позволяет предотвратить противоправные действия путем прослеживания динамики развития контента некоторых пользователей или организаций, с другой стороны — “regular users” могут испытывать определенный дискомфорт, понимая, что вся информация, выдаваемая ими в интернете, хранится некоторое время — здесь мы сталкиваемся с нарушением личных границ, когда другие попадают в зону приватности, не получая приглашения. Во всяком случае это так воспринимается, даже не смотря на соглашение о политике конфиденциальности, с которой должен согласиться каждый пользователь, вероятно, даже не читая его. Мнения в отношении принятия данного пакета законов разносторонние, некоторые эксперты признавали, что часть инициатив не может быть исполнена, так как потенциально может привести к возникновению угрозы для кибербизнеса. Например, эксперты из Mail.ru group утверждают, что поправки будут неэффективными и даже бесполезными [8, с. 106].

В статье Н.К. Sætra под названием “Privacy as an aggregate public good”, приватное рассматривается в качестве всеобщего общественного блага, и именно этим тезисом может оправдываться вмешательство государства в частную жизнь не только в сети интернет, но и в реальности. Автор обосновывает тезис о том, что индивидуалистический подход к определению приватности, когда личность самостоятельно определяет, что необходимо выставлять на всеобщее обозрение, а что оставлять в зоне приватности, является несостоятельным, поскольку существует большое количество неконтролируемых факторов и переменных, которые провоцируют утечки персональной информации [11, с. 4].

Прежде всего, приватность — то благо, которое должно быть гарантировано каждому человеку, обеспечивая неприкосновенность частной жизни и несанкционированные вторжения в личные пространства людей. Задача государства в данном случае заключается в создании таких условий, которые обеспечивают безопасность и сохранность приватности. Данная роль может реализовываться через контроль организаций, занимающихся хранением и сбором персональной информации, что не всегда может привести к хорошим последствиям. Например, было много случаев, когда камеры видеонаблюдения оказывались выключенными или же вовсе не записывали видео; поэтому возникала путанность при необходимости доказывания факта правонарушения, как правило, не в пользу «правонарушителя». Подобные случаи требуют дополнительных способов регулирования и обеспечения оптимального функционирования. Несмотря на все подводные камни и несовершенства, включенность государства в процесс обеспечения оптимального и комфортного уровня приватности необходима в связи с рассредоточенностью и долгосрочным характером последствий вторжений в частную жизнь. Однако в данном случае необходимо определение оптимального уровня вмешательства и контроля государством аспектов, связанных с приватной жизнью личности. Это может быть реализовано при помощи общественных обсуждений, где разные группы населения могли бы выражать свою точку зрения по этому поводу, что способствовало бы определению необходимого уровня приватности, которое будет обеспечивать государство.

Мы видим, что любые попытки противопоставить публичное приватному отчасти терпят неудачу, поскольку получается так, что публичное (общественное) обеспечивает корректную работу приватного (личного). Размытие границ здесь можно рассматривать не как их нарушение и слияние двух сфер, а, скорее, как синергетическое взаимодействие, где одно обеспечивает функционирование другого. Но есть ряд вопросов во взаимодействии публичного и приватного, касающихся безопасности, обеспечения оптимального уровня приватности и публичности — эти вопросы могут носить морально-этический характер и требуют достаточно детальной дальнейшей проработки.

Проявление публичного и приватного в виртуальном пространстве требует большого внимания. Потребность в приватности в сети остается актуальной, одновременно с этим есть потребность выставлять свою жизнь на всеобщее обозрение, привнося закономерности, которые работают в реальности, в виртуальное пространство. Предположительно, такое положение вещей может быть связано с потребностью проявлять большую активность в общественной жизни в реальности, что иногда оказывается совершенно невозможным, поэтому аспекты приватной жизни попадают в публичное пространство сети интернет.

Список литературы

1. Андриевская Ю.Д. Интимность как свойство социокультурного феномена приватности // Социологический альманах. 2014. № 5. С. 287–296.
2. Арентс Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2017. 416 с.
3. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. Москва: КАНОН-пресс-Ц, 2000. 304 с.
4. tass.ru [Электронный ресурс]. Как работает «пакет Яровой». Доступ по ссылке: <https://tass.ru/ekonomika/5335719>

5. Лекторский В.А. Трансформация индивидуальной и коллективной памяти в контексте глобальной цифровизации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11, № 9. С. 17.
6. Мансурова В.Д. Онлайн-социальность поколения СИ: феноменология «публичной интимности» // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 2-1. С. 211–214. DOI: 10.14258/izvasu(2014)2.1-40
7. Сеннет Р. Падение публичного человека. Москва: Логос, 2002. 424 с.
8. Тигранян Е.А. «Антитеррористический пакет» Яровой: реакция российских и зарубежных изданий // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2018. Т. 37, № 1. С. 103–112. DOI: 10.18413/2075-4574-2018-37-1-103-112
9. Труфанова Е.О. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. Т. 3, № 1. С. 14–38. DOI: 10.46539/gmd.v3i1.130
10. Чеснокова Л.В. Приватность и тайна: право на контроль над личной информацией. Публичное/частное в современной цивилизации. 2020. С. 65–70.
11. Sætra H.S. Privacy as an aggregate public good // *Technology in Society*. 2020. Vol. 63. P. 10–19. DOI: 10.1016/j.techsoc.2020.101422

References

1. Andrievskaya YuD. Intimnost' kak svoistvo sotsiokul'turnogo fenomena privatnosti. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 2014;(5):287–296. (In Russ.)
2. Arendt Kh. *Vita activa, ili O deyatel'noi zhizni*. Moscow: Ad Marginem Press, 2017. 416 p. (In Russ.)
3. Goffman E. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni*. Moscow: KANON-press-TS, 2000. 304 p. (In Russ.) (Goffman E. *The presentation of self in everyday life*. 1956. 163 p.)
4. tass.ru [Internet]. Kak rabotaet «paket Yarovoi». Available at: <https://tass.ru/ekonomika/5335719> (In Russ.)
5. Lektorsky VA. Transformation of individual and collective memory in the context of digitalization. *Istoriya*. 2020;11(9):17. (In Russ.)
6. Mansurova VD. «Generation C» online sociality: phenomenology of public intimacy. *Izvestiya of Altai State University*. 2014;(2-1):211–214. (In Russ.) DOI: 10.14258/izvasu(2014)2.1-40
7. Sennet R. *Padenie publichnogo cheloveka*. Moscow: Logos, 2002. 424 p. (In Russ.) (Sennet R. *The Fall of Public Man*. New York: W.W. Norton and Company, 1992. 416 p.)
8. Tigranyan EA. «Antiterroristicheskii paket» Yarovoi: reaktsiya rossiiskikh i zarubezhnykh izdaniy. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya*. 2018;37(1):103–112. (In Russ.) DOI: 10.18413/2075-4574-2018-37-1-103-112
9. Trufanova EO. Private and Public in the Digital Space: Blurring of the Lines. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021;3(1):14–38. (In Russ.) DOI: 10.46539/gmd.v3i1.130
10. Chesnokova LV. Privatnost' i taina: pravo na kontrol' nad lichnoi informatsiei. *Publichnoe/chastnoe v sovremennoi tsivilizatsii*. 2020. P. 65–70. (In Russ.)
11. Sætra HS. Privacy as an aggregate public good. *Technology in Society*. 2020;63:10–19. DOI: 10.1016/j.techsoc.2020.101422

Информация об авторе

Анастасия Владимировна Почикаева — аспирантка кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара, Россия.
E-mail: pochastardust@gmail.com

Information about the author

Anastasia V. Pochikaeva — postgraduate student of the Department “Philosophy and Social Sciences and Humanities”, Samara State Technical University, Samara, Russia. **E-mail:** pochastardust@gmail.com